

УДК 070, 821
DOI 10.25205/2410-7883-2018-1-82-104

Е. В. Капинос

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

«ГАЗЕТЧИК» А. Л. КУРСА *

Статья посвящена новосибирскому периодическому изданию «Газетчик», выпускавшемуся А. Курсом в 1927–1928 гг. Это издание вобрало в себя опыт московского «Журналиста», который А. Курс редактировал до отъезда в Новосибирск. В первые годы своего существования московский «Журналист» был ориентирован на создание теории газетного дела, которое становилось отдельной специализацией, а профессия журналиста – все более влиятельной. Теория газетного дела формировалась преподавателями Государственного института журналистики, многие из которых сотрудничали с А. Курсом и печатались в его «Журналисте». Здесь также публиковались, наряду с материалами по журналистике, небольшие фрагменты (иногда просто цитаты) из работ лефовцев и формалистов. Все эти традиции перешли к новосибирскому «Газетчику», материалы которого рассказывали о технологии газетного дела. Единство темы объединяет между собой разножанровые статьи «Газетчика»: это и аналитический обзор правительственных программ, касающихся печати, и констатация удач и неудач сибирской печати, и разного рода советы по написанию статей на те или иные темы, стилистические задачи и их решения, примеры удачных и неудачных журналистских работ, портреты сибирских журналистов (иногда анонимные), а также информация о теории и практике газетного дела на западе (Англия, США) и на востоке (Китай). Регулярно в «Газетчике» появлялись небольшие фрагменты из работ С. Третьякова (одна из них – о китайской печати), есть и «нарезка» из разных статей В. Шкловского. Автор статьи связывает китайскую тему в «Газетчике» с публикациями репортажей из Китая (того же Третьякова) в «Советской Сибири» (1925).

Пособие «Газетчик» совмещает в себе свойства газеты и журнала, он печатается в формате газеты, но подобен журналу разнообразием рубрик. Среди постоянных разделов «Газетчика» «Технология журнализма» и «Письма о любви к газете» – авторская рубрика А. Курса, где он делится с коллегами своим опытом газетного дела, стилистическими наблюдениями и выводами о западной теории журналистики, включая сюда теорию информации, вопросы права и мн. др. По тематике и форме «Газетчик» соответствует стилистике авангарда, предвывая тем самым новосибирский авангардный журнал «Настоящее». Он является яркой страницей деятельности А. Курса в Новосибирске. Издание стоит в одном ряду и с «Настоящим», и с «Советской Сибирью», которая редактируется Курсом в тот же период.

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 16-04-00268 «Сибирский авангард 1920–1930-х годов: газета, журнал, альманах, сборник».

Благодарю за помощь И. Е. Лоцилова и Э. И. Худошину.

Капинос Елена Владимировна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Российская Федерация, dzerv@mail.ru)

Ключевые слова: А. Курс, авангард, В. Шкловский, С. Третьяков, Государственный институт журналистики, теория газетного дела, периодика сибирского авангарда, журнал «Настоящее», новосибирское пособие для журналистов «Газетчик».

Один из важнейших периодов деятельности талантливого журналиста и организатора советской печати А. Л. Курса был связан с Сибирью. В 1926 г. он был прислан в Новосибирск со специальным заданием возглавить отдел печати Сибкрайкома ВКП(б). До этого, в Москве, А. Л. Курс редактировал два журнала, «Журналист» и «Экран», а также газету «Кино», а еще раньше в его жизни была гражданская война и восемь лет репортерской работы в Лондоне (1911–1918 гг.)¹. В Новосибирске главной заслугой А. Л. Курса стало создание авангардного журнала «Настоящее» с высококлассными образцами «литературы факта», выразительной графики, конструктивистской композиции. Но нам хотелось бы обратить внимание на другое его новосибирское издание – пособие для журналистов «Газетчик», оно предшествовало «Настоящему», но, в отличие от этого журнала, почти не привлекало к себе исследовательского внимания².

Следует заметить, что в истории Новосибирска деятельность А. Л. Курса, человека очень сложной биографии, оценивается неоднозначно: он провоцировал крупные литературные конфликты как местного, так и общероссийского масштаба, он участвовал в судебных процессах, погубивших немало его коллег, он с большим напором, не выбирая средств, внедрял в литературу и журналистику идеологические установки, разрушая при этом местные, иногда очень ценные традиции, что отрицательно повлияло и на судьбы сибирских писателей, многие из них становились врагами А. Л. Курса, хотя изначально были настроены на сотрудничество с ним. Но мы, оставив все это в стороне, рассмотрим только журналистскую, издательскую деятельность Курса – и то не во всем ее объеме, а лишь там, где она соприкасается с теорией и практикой авангарда.

В Новосибирске А. Л. Курс руководил всей областной печатью, много писал для местных и московских журналов и газет, в 1929-м редактировал одну из главных газет Сибири – «Советскую Сибирь», участвовал в журналистских, литературных и партийных дискуссиях, неистощимо придумывал новые газетно-журнальные формы (кроме «Настоящего» и «Газетчика» издавал, например, однократные газеты – «Рост»³ и «Первый гвоздь»⁴). Все издания А. Л. Курса просуществовали недолго: они носили экспериментальный характер, опережая теорию и практику советского журнального дела и к тому же не вписываясь во все более сужавшиеся цензурные рамки.

Периодическое «пособие для журналиста» («Газетчик») было создано им за год до «Настоящего» – под эгидой Отдела печати Сибирского крайкома ВКП(б) и Сибирского краевого бюро секции работников печати. Оно выходило с 20 мая 1927 по 1928 г. с разной периодичностью (обычно раз в месяц, хотя и анонсировалось как двухнедельное) и представляло собой нечто среднее между газетой и журналом. Предшествуя «Настоящему», оно во многом определило и стиль, и тематику журнала, но «Настоящее» было адресовано широкому кругу читателей, а «Газетчик» являлся специальным пособием для журналистов (а также раб-

¹ Подробный очерк биографии А. Л. Курса см.: [Бернштейн, 2001].

² Исключение – работа Г. П. Жиркова, где «Газетчик» упоминается в обширном контексте дискуссии об информации 1929-х гг. См.: [Жирков, 2017].

³ См.: [Рост, 1929].

⁴ См.: [Первый гвоздь, 1929].

коров и селькоров), которых он должен был научить писать «по-новому». Это пособие подробнейшим образом растолковывало, какое значение имеет в журналистском деле форма и какой должна быть форма советской газеты. Обсуждалась, конечно, и тематика, но форма была в центре внимания, начиная с заглавия и подзаголовка – и до последних, заключительных строк.

Чтобы понять, чем было это издание и каково было его значение, следует рассмотреть окружающий его контекст, в который входит и биография его создателя, А. Л. Курса.

А. Л. Курс появился в журналистских кругах Москвы в 1924 г., когда в СССР началась активная работа по формированию образа советского журналиста и когда начала создаваться система журналистского образования, а заодно зарождалась и теория журнального дела. Проблемы, возникавшие в этом процессе, как раз и осмыслились на страницах «Журналиста»⁵.

Очень рано, в 1921 г., на базе московских курсов РОСТА было создано первое специализированное учебное заведение для работников печати – Институт красных журналистов, затем переименованный в Государственный институт журналистики (ГИЖ). Учебные программы ГИЖа, так же как и сам учебный процесс в ГИЖе, постоянно освещались на страницах «Журналиста». Современные исследователи все чаще погружаются в историю ГИЖа 1920-х гг.:

С сегодняшних позиций важно отметить, что в первые годы существования ГИЖа в нем был блестящий состав преподавателей. Это касается прежде всего филологов. Назовем будущего академика и директора Пушкинского Дома П. Н. Сакулина, еще одного академика В. М. Фриче, а также В. Б. Шкловского и менее известного сегодня, но знаменитого в те годы литературоведа В. Л. Львова-Рогачевского. <...> Конечно, здесь работали первоклассные библиографы и книговеды: Б. С. Боднарский, Н. М. Сомов и М. И Щелкунов <...>. «Законодательство о печати» читал «стижам» (студентам института журналистики) историк цензуры М. К. Лемке, «Психологию творчества» – выдающийся отечественный педагог и психолог П. П. Блонский, исторические дисциплины вели С. А. Пионтковский, М. С. Ольминский, будущий нарком просвещения А. С. Бубнов. И наконец, специальные дисциплины преподавали редактор «Известий» Ю. М. Стеклов, руководитель РОСТА Я. Г. Долецкий, редактор журнала «Журналист» С. Б. Ингулов, редактор «Рабочей Москвы» Б. М. Волин, известные журналисты своего времени Ю. М. Бочаров (руководитель кафедры печати ГИЖа, преподаватель истории русской журналистики), <...> Н. К. Иванов-Грамен, С. Н. Срединский, бывший корреспондент ТАСС в Лондоне М. Ю. Левидов, Ф. Г. Мускатблит (сотрудник РОСТА, ТАСС, «Гудка», «Комсомольской правды» и др.; один из первых биографов А. П. Чехова) [Фатеева, 2017, с. 66].

Нередко для преподавания в ГИЖе приглашались видные политики: Л. Троцкий, К. Радек, А. Луначарский, институт возглавлял К. П. Новицкий, опытный журналист, начинавший работать в первые годы XX в. в одесской газете «Южное обозрение».

Многие известные писатели, кинематографисты, а также преподаватели ГИЖа (Н. Асеев, В. Шкловский, М. Кольцов, С. Третьяков, Л. Кулешов, М. Левидов, А. Родченко, О. Брик, С. Ингулов, В. Нарбут, К. Паустовский, В. Инбер) регулярно

⁵ Этот уникальный журнал имеет длинную историю: созданный в 1914 г. и чудесным образом перешагнувший рубеж революции, он в середине XX в. сменил название на «Советскую печать», а в 1990-е вернулся к своему историческому имени («Журналист»), с которым и существует по сей день. Курс редактировал его с 1924 по 1925 г. В конце 1925 г. Курс передал пост главного редактора «Журналиста» С. Ингулову. Современный «Журналист» представлен на сайте: <https://jrnlist.ru/>.

но печатались в московских журналах А. Л. Курса или участвовали в анкетах и дискуссиях «Журналиста». Это издание было чрезвычайно разнообразно в рубриках и жанровом репертуаре, оно включало рубрики: «Рабкор» (рабкоровские и селькоровские вопросы), «Справочник журналиста», «Белая печать» (с подробными обзорами эмигрантской печати), «Наш переводчик рассказывает» (европейский и американский опыт создания газеты), «Ножницами по газетам» (разбор печатных ляпов и обсуждение искусства заголовков, рубрикации и т. п.), «Провинция», «Реклама», «От станка к читателю» (производство и распространение периодики), «Красными чернилами», «Блок-нот». Следует заметить, что новосибирский «Газетчик», конечно, был меньшего объема и его рубрики носили другие заглавия, однако в общем виде «Газетчик» повторял структуру «Журналиста».

В середине 1920-х гг. укрепляется советская цензура: постепенно радио перестает быть самостоятельным акционерным обществом, радиоэфир, относительно доступный ранее для независимых участников разного рода дебатов, закрывается⁶, то же происходит с редакциями центральных газет. Но в ГИЖе уже существуют налаженные связи с провинциальными газетами, куда студенты института регулярно отправлялись на практику. Там они могли получить опыт практической работы, наблюдая процесс создания газеты от начала и до конца, свободно общаясь с редакторами и завотделами этих газет. Практика в провинциальной газете должна была также сблизить молодого журналиста с «фактом», это считалось важным, поскольку концепция обучения журналистике в ГИЖе основывалась на «фактоведении» – знании о том, что такое факт, а также каковы способы его проверки, изучения и описания. Из номера в номер «Журналист» печатал отчеты о том, в какие газеты попадают на практику студенты ГИЖа, и это, конечно, не «Правда» или «Известия» (хотя студенческие работы иногда печатались и там), а «Нижегородская коммуна», пензенская «Новая деревня», «Тверская правда» и др. [ГИЖ, 1925а, с. 42]. В регулярно публиковавшихся дискуссиях о ГИЖе Курс настаивал на идее воспитания в ГИЖе не руководителей провинциальных изданий, а именно журналистов, из которых затем, по мере накопления практического опыта, могут вырасти редакторы или ответственные секретари [ГИЖ, 1925б, с. 35].

Другое, противоположное, направление деятельности Курса касалось выработки нового, советского имиджа и языка газеты. Для этого следовало усвоить и осмыслить западный, прежде всего англоязычный, опыт журналистской теории. Два этих направления (ориентация на провинцию и европейскую журналистику) отлично совмещались в деятельности Курса. Информационное пространство Курса представлял себе очень масштабно, вся его деятельность в середине 20-х гг. имеет в виду «сообщаемость» между мировыми столицами (Лондон, Нью-Йорк, Москва) и провинцией. Курс считал, что провинция обладает большим потенциалом и что ее необходимо подготовить к усвоению новейших информационных технологий, научить провинциальных журналистов писать остро, грамотно, динамично, избегая бытовой пошлости («желтизны») и превращая бытовой факт в емкое политическое обобщение. Таковы были программные цели «Газетчика», и само название пособия – «Газетчик» – тоже, разумеется, было концептуально.

Один из основных предметов в ГИЖе назывался «газетоведение». Это и историческая дисциплина (история газетного дела в России и на западе), и теория газетного дела, изучающая способы подачи, восприятия информации, закономерности информационного воздействия и правила построения материала с точки зрения информативной ценности. Этот предмет преподавал в ГИЖе его глава –

⁶ Подробно об этом см.: [Горяева, 2009].

К. П. Новицкий⁷, настойчиво внушавший студентам, что профессия «репортер», долгое время не требовавшая специальной подготовки (любой человек, способный собирать и записывать информацию, мог надеяться найти работу в газете, как это и случилось с самим Курсом, когда он оказался в Англии), к началу XX в. превратилась в самостоятельную специальность, предполагающую наличие соответствующего образования, а газета из перечня актуальных или просто развлекательных новостей превратилась в «сложное социальное явление», способное к «воздействию на человеческое общество» [Новицкий, 1924, с. 28]. Работа в Лондоне, Курс глубоко интересовался новейшими журналистскими дисциплинами, такими как теория информации; «информация» и «факт» – ключевые слова зарубежных материалов, попадавших в поле внимания Курса. Название «Газетчик» в 1920-е гг. означало и новую специализацию, и новую теоретическую, только еще формирующуюся дисциплину⁸. В ГИЖе специальность «Газетоведение» стала началом возникновения самостоятельного научного направления, о чем и свидетельствовала основанная чуть позже серия сборников научных трудов «Проблемы газетоведения»⁹.

Истоком теории журналистики ГИЖа стала дискуссия об информации, начатая в 1925 г. брошюрой М. Левидова «Информация в советской прессе», автор которой поставил знак равенства между теорией газетного дела и теорией информации, сформулировав при этом критерии отбора информации¹⁰. Обсуждая эту проблему, М. Левидов, А. Курс и М. Гус постоянно ссылались на англоязычные источники. Оппоненты сочли, что на Курса особенно повлияла книга Харвуда (Dix Harwood) «Getting and Writing News» (NY, 1928)¹¹.

Основная идея, которую заимствовали из этих источников советские теоретики, заключалась в том, что событие и новость конструируются в процессе описания. Другим важным моментом было понимание информации как ответа на ожидания читателя, но ответа не прямого, а лишь соприкасающегося с этими ожиданиями и поэтому успешно их формирующими. Конструирование читательского сознания имело прагматические цели. Газета на западе, как это понимали московские теоретики, обслуживала рынок, заодно обеспечивая окупаемость и самой журналистики. Русские газетчики, отрицая рекламную, товарную, а заодно и развлекательную цель, предлагали на ее место другие ценности.

Одна из них – бескорыстная ценность созидательной деятельности. Процессуальность, сама деятельность как таковая, событие как действие, «настоящее», «презантизм» – все это характерные советские газетные темы 1920-х гг. Но все это входит и в теорию авангарда, как она изложена, например, в левовских статьях С. М. Третьякова, автора, наиболее близкого Курсу. Отметим, что в ЛЕФе Третьяков одним из первых отзовется на выход журнала «Настоящее» [Третьяков,

⁷ Программу и краткое изложение гижевского курса К. П. Новицкого см.: [Новицкий, 1924].

⁸ Конечно, в названии пособия не обошлось без иронии. Если в широком смысле «газетчиками» можно назвать всех, кто имеет отношение к производству газеты, то в узком смысле «газетчики» – это разносчики газет, продающие и доставляющие газету, но ничего не понимающие в производстве периодики. Вот как изображены газетчики в одном из фельетонов «Журналиста»: «Вот и сейчас в тихом, бессолнечном Филипповском переулке, забравшись во впадины под'ездов, разлегшись на их холодных камнях, обтирая спинами стены, зевая, ждут газетчики. Они сходятся со всей Москвы в этот кривой Арбатский переулок, терпеливо играют в орел и решку, пока за стеной типографии совершается тайна рождения вечерней газеты, непонятная и неинтересная им» [Газетчик, 1928, с. 22].

⁹ Первый сборник вышел в 1930 г. См.: [Проблемы газетоведения, 1930].

¹⁰ Подробно о дискуссии см.: [Жирков, 2017].

¹¹ См.: [Жирков, 2017, с. 163].

1928] и что его собственные публикации будут анонсированы в «Настоящем» (но по каким-то причинам не состоятся)¹². Весьма вероятно, что у слова «Настоящее» в заглавии новосибирского журнала имелся отдаленный претекст в виде названия околонуристического направления «презантизм» (от фр. «présent» – «настоящее»), возникшего в 1913 г. в литературной группе «Мезонин поэзии», куда входил и С. М. Третьяков: «Презантизм утверждал <...> настоящее во всем его скользющем великолепии, сенсационности, осязаемости. Настоящее – самоцель; написанное сегодня – завтра уже устареет» [Крусанов, 2003, с. 413–414]. Отметим также, что теорию ЛЕФа, охватывающую многие виды искусства, А. Курс активно переводил в формат журналистики.

Главные материалы «Газетчика» (правительственные решения о печати, производство газеты, техника написания газетных материалов, хроника событий сибирской печати, сибирское рабкоровское и селькоровское движение) перемежались с материалами менее актуальными и будто бы «развлекательными». Они играли роль «передышки» в чтении серьезных или специальных статей или делали их более интересными, но сами по себе были не менее важными, чем первоочередная профессиональная информация. В «Газетчике» печатались ироничные и серьезные стихи о журналистике и журналистах, а также небольшие цитаты из художественных произведений или столичной периодики с комментариями к ним. Чаще всего реплики «великих» выбирались из интервью писателей, их записных книжек, писем или мемуаристики, иногда это были «случаи» из писательской или журналистской жизни, они вносили разнообразие, создавали литературный и «культурный» фон профессионального журналистского издания.

Среди писателей, о которых рассказывается или которые цитируются в «Газетчике», – классики и современники, русские и зарубежные: Г. Уэллс, Б. Шоу, Н. С. Лесков, Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, А. П. Чехов, И. Бабель, М. Светлов и др. Цитаты нередко подобраны так, что могут интерпретироваться серьезно и иронично одновременно. Классика подается крупными, что обеспечивает ее доступность, а также с интенцией, направленной на уничтожение всех «устаревших» смыслов, разрушение представления об элитарности литературного мира, на «приближение» писателей к читателям. Это особенно заметно, когда речь идет о писателях современных. Так, в очерке «За стеклянной стеной» («Газетчик», № 3 от 1 июля 1927 г.) [Бар, 1927] сибирские поэты П. Васильев и Н. Титов представлены как «сторонник Ницше Пашка» и «Коля Титов»¹³. Писатели как бы становятся персонажами газеты, близкой читателю «единой писательской семьей», и на этом фоне «мертвые», классические, «забытые» литературные произведения тоже оживают. Оформляется пособие так, чтобы показать журналистское и редакторское мастерство авторов «Газетчика», их юмор и искусство связать между собой разнородные материалы, придать им доступность и полемич-

¹² Так, анонсированная в 70-м номере курсовской «Советской Сибири» за 1929 г. статья С. Третьякова «Хочу ребенка», которая должна была быть в 3-м номере «Настоящего», не появилась.

¹³ Однако приближение классики к читателю в «Газетчике» в то же время пародировалось. Так, в 5-м номере «Газетчика» за 1927 г. цитировался каламбур из комедии М. Вольпина «Королева ошиблась», который позже, благодаря Маяковскому (см. [Маяковский, 1958, с. 89]), станет популярным в левовской и околелефовской среде: «Если требуешь серьезной критики от других, то нельзя самому попадать в положение анекдотического оратора

– «Итак, закрутим истории карусель,
Как учил нас Жан Жак Руссель»...
– «Не Руссель, товарищ, а Руссо».
– «Все равно: тогда – колесо» [Круссер, 1927].

ность. «Газетчик», таким образом, претендует и на то, чтобы быть изданием о журналистском мастерстве, и на то, чтобы являться его примером.

Регулярно помещая в пособие небольшие цитаты теоретиков ЛЕФа, С. Третьякова и В. Шкловского (последний был постоянным автором «Журналиста»), А. Курс дает перепечатки из столичных изданий, при этом в новосибирскую газету «вторичный» материал попадает в творчески переработанном, лаконичном и афористическом виде. Лефовские статьи В. Шкловского и С. Третьякова и так невелики по объему, но здесь превращаются почти в плакаты. К примеру, в первом номере «Газетчика» (май 1927 г.) под емким заглавием «Газета – наш эпос» даются три краткие цитаты из лефовской статьи С. Третьякова «Новый Лев Толстой» (заодно это реклама «Нового ЛЕФа»). Статья С. Третьякова, представленная короткими цитатами и броским заглавием в «Газетчике», сходится со взглядами на газету самого А. Курса. С. Третьяков пишет (мы цитируем полный вариант статьи, а не обработку А. Курса):

Если история запоминает в литературе факты, которые были социально-формирующими (так формировал эмоцию либерала Пушкин, радикала – Некрасов и Толстой, интеллигента-революционера – Горький), то от сегодня она должна будет запомнить не Пильняка, не Сейфуллину, не Gladкова, а газетчиков. Вся безымянная газетная масса, от рабкора до центрального передовика – это коллективный Толстой наших дней. Мы сознательно не переименовываем отдельных мастеров газетного дела, как, скажем, Зорич, Сосновский и другие, ибо считаем, что суть газеты в безымянности, и сохранение имен под отдельными секторами ее материала – это есть отрывка старого беллетристического великодержавия.

Основная наша задача – не ждать красных эпиков, а приучать всю советскую аудиторию читать газету, эту библию сегодняшнего дня.

А вторая задача – втянуть писателя в газету с максимальным подчинением его мастерства ее условиям и задачам. И третья задача – обратить максимум внимания на совершенствование газеты, дабы она на все сто процентов могла стать эпосом и библией наших дней.

В чем дефекты газеты и что в ней должны делать мастера слова – одна из нужных тем.

О каком романе-книге, какой «Войне и мире» может идти речь, когда ежедневно утром, схватив газету, мы по существу перевертываем новую страницу того изумительнейшего романа, имя которому – наша современность» [Третьяков, 2016б, с. 237].

Как видно, Лев Толстой являет в этой статье образ великого писателя-эпика, которого неплохо было бы сбросить с корабля современности, а имя «Лев» каламбурно обыгрывает название журнала «Новый ЛЕФ», где эта статья и была напечатана. Третьяков же в «Газетчике» Курса символизирует «Новый ЛЕФ», в котором Третьяков постоянно печатается и который с 1928 г. редактирует. Конечно, каламбур со львом очень украшает статью Третьякова, но сама идея газетного эпоса вместо эпоса литературного к 1927 г. не нова. Два года ранее А. Курс уже опубликовал в «Журналисте» статью «Обнажение приема в газете» с похожими идеями. Автор статьи, скрывающийся под псевдонимом «В. Н-ский», констатирует, активно используя лексику формалистов, появление нового подхода к газете. Газета – это живое действие, «газетная работа» должна вытеснить классическое литературное письмо, застывшей литературной классике противопоставит новая перформативная, газетная «литература»:

В теории художественной литературы аналогичное явление носит определенное название – обнажение приема: когда автор вдруг прерывает повествование и обращается прямо с собственной авторской речью к читателю, сообщает ему то, что он

намерен изменить ход повествования, начиная с этого места. Или оговаривает какой-либо прием рассказа. Точно так же газета, когда пишет о рабкорах и инструктирует их, обнажает прием собирания материала и написания газеты. Сообщение о действии заметки обнажает прием целеустановки этого газетно-литературного факта (заметки). Критика газеты читателем обнажает прием обработки материала; сообщение о работе типографии – прием технического осуществления номера.

Нельзя не видеть в этом закреплении «обнажения приема» в газете влияния революции. Особенно же ценно подчеркнуть, что революция оказала столь значительное влияние на литературную форму, создала ряд новых жанров практической газетной литературы.

Практический вывод отсюда также ясен: надо культивировать обнажение приема в нашей газете, потому что оно сближает потребителя с производителем, читателя с писателем. Оно уничтожает станковую литературщину, так же как конструктивное искусство живописи, например, уничтожает станковую, картинную, музейную живопись [Н-ский, 1925].

К левовской теме «Новый Лев Толстой» Курс возвращается в 4-м номере «Газетчика» за 1927 г. Здесь под гравюрой П. И. Ивакина, изображающей машинистку, в слезах пытающуюся разобрать почерк журналиста, – шутивная пародия на тему «газета и ее корреспонденты vs Лев Толстой»:

Не понять, как ни пяльте глаза, ни полслова,
Будто писано темной ночью.
У великих людей, например, у Толстого
Был весьма неразборчивый почерк.

Люди пишут серьезные в нашу газету.
Ну, а если подумать строго, –
Что-то кажется мне, что Толстых у нас нету,
А каракулей очень много
[М.Д., 1927].

Левовская тема газеты-литературы появляется как череда мгновенных снимков, меняющихся, исчезающих, серьезных, пародийных, молниеносно соприкасающихся с другими темами «Газетчика».

Сам прием мелкой нарезки из работ классиков формализма (см., например, в № 3 «Газетчика» за 1927 г. нарезку из работ Шкловского под заголовком «Несколько советов писателю» [Шкловский, 1927, с. 3]) тоже демонстрирует новые принципы письма: монтажность, однократность, «мгновенность», что связывает «Газетчика» с другим изданием Курса – журналом «Настоящее», и с теорией Третьякова, сблизившего лозунг и газету в статье того же 1927 г. (это год появления «Газетчика» и год десятилетия октябрьской революции). По следам празднования 10-летия революции написана статья С. М. Третьякова «Газета на шестах», где лозунги демонстрантов объявляются производной от газеты. Газета, таким образом, органически вписывается в уличный пейзаж, в «жизнь», в «быт», где газета и ее слово играют роль наиболее яркой и выразительной вещи среди других вещей и действующих лиц:

Культурный и изобретательный журналист, он же демонстрационный организатор, с хорошим чутьем уличных масштабов и рефлексов протекающей массы – вот с нашей точки зрения очередной социальный заказ, бросаемый юбилейной демонстрацией в советскую писательскую гущу [Третьяков, 2016а, с. 554].

Курс был последователен, вводя единые принципы работы во все новосибирские издания. Советская печать должна была стать единой, как монолит. Это стремление наглядно явлено установлением разного рода связей между всеми изданиями, которые выпускал сам Курс. И в «Газетчике», и в «Настоящем», и в «Советской Сибири» 1929 г., редактировавшейся Курсом, много материалов,

Иллюстрация П. И. Ивакина к стихотворению М. Д. в «Газетчике» 1927 года (Газетчик, 1927, № 4, с. 6)

Illustration by P. I. Ivakin to the poem by M. D. in the «Gazetchik» of 1927 (Gazetchik, 1927, no. 4, p. 6)

руживают в нем незаурядный литературный талант. Третьяков, конечно, исходит из Хлебникова, и недаром, именно Хлебникову посвящено несколько стихотворений уже и в первом сборнике Третьякова – «Железной паузе» [Слоним, 1929, с. 45].

Продолжая традицию китайских публикаций Третьякова в «Советской Сибири», Курс печатает его китайские материалы и в «Газетчике», где можно найти заметку «Китайская газета в наши дни» (1927, № 4, с. 3), это перепечатка из столичной «Вечерней Москвы»:

Несколько лет тому назад Китай праздновал тысячелетний юбилей своей левой газеты (да и, несомненно, первой во всем мире). Когда-то это был листок придворных приказов, потом в него стали вносить кой-какие придворные новости. Так этот листок просуществовал до наших дней, сначала в качестве придворного, а затем–

перекликающихся и тематически, и формально. Нельзя например, не заметить, что по сравнению с «Советской Сибирью» середины 1920-х гг. «Советская Сибирь» Курса (1929 г.) стала намного короче: 3–4 листа вместо 8–12, а вместо невыразительных анонимных карикатур появились гравюры-плакаты тех же авторов, что печатались в «Настоящем», и проекты конструктивистской архитектуры, аналогичные тем, что демонстрировались в «Новом ЛЕФе».

А еще до приезда А. Курса в Новосибирск «Советская Сибирь» публиковала развернутые репортажи С. Третьякова из Китая. Позже большие репортажи из стран зарубежья стали в местной печати редкостью (уже в конце 1920-х гг. в «Советской Сибири» доминирует краткая зарубежная хроника ТАСС), но в 1925-м «Советская Сибирь» имела много собкоров за рубежом: например, регулярно большие репортажи из Китая присылали И. Привалов и С. Третьяков, преподававший в Пекинском университете. При этом «китайские» статьи Третьякова, появлявшиеся в сибирской периодике, были столь выразительны, что удостоились похвалы даже в эмигрантской среде. Так, в пражской «Вольной Сибири» М. Слоним, обозревая «современную сибирскую литературу», писал:

Гораздо с большим правом мог бы стать в первых рядах сибирской поэтической молодежи видный русский футурист С. Третьяков, сборники стихов которого, равно как и его прозаические опыты (особенно очерки Китая) обнару-

правительственного информационного листка. Кроме долголетия, никаких особых заслуг, за ним нет.

НОВЫЕ ГАЗЕТЫ

Газеты – это уже продукт новейшего времени. Немногим из них больше 15 лет, т. е. основались они еще при монархии.

Убийственно ничтожны тиражи. Только в трехмиллионном Шанхае старейшая (после тысячелетней, конечно) газета «Шань-Бао» расходуется в 30 тысячах экземпляров. А пекинские, делающие политическую погоду, «Чень-Бао», профессорская, либеральная, или «Цзинь-Бао» (ныне закрытая за гоминданство) имели по 2, много 3 тысячи экземпляров. Поэтому и звание журналиста в Китае материально не из завидных. 1000 иероглифов будет около 200–250 наших газетных строк. Средняя цена за 1000 иероглифов около 1–2 даянов (два-три рубля). Один даян за тысячу знаков получает в газетах интереснейший беллетрист Нового Китая Нью-Син.

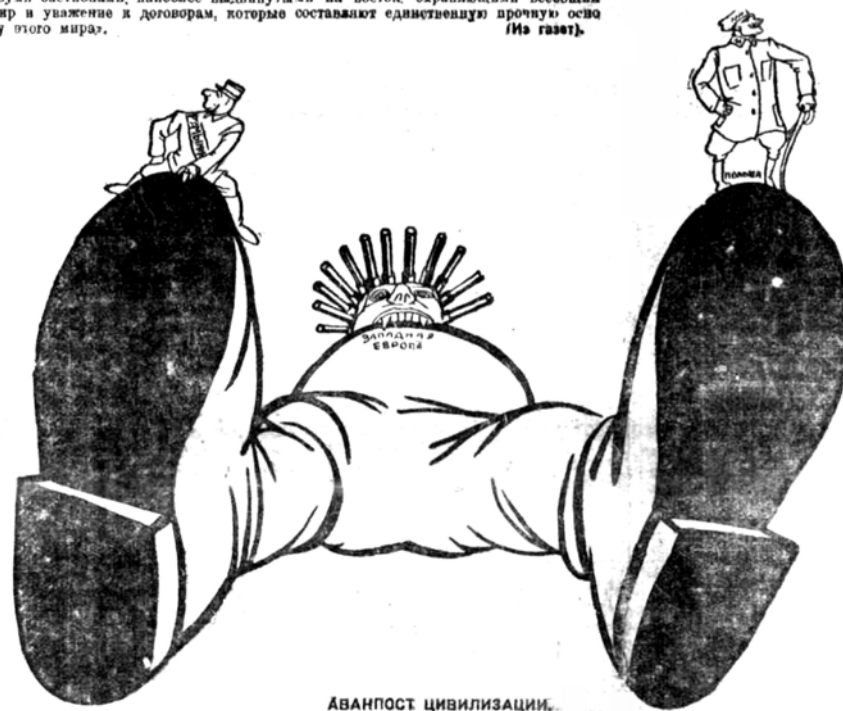
КИТАЙСКИЙ РЕПОРТЕР

Сенсационизм и пронируемость китайских репортеров колоссальны. Во время внутренних войн газеты сыплют сражениями, пленами, предательствами – в то время как армии стоят друг против друга, не производя «и одного выстрела». Создается густейшая газетно-дымовая завеса вокруг истины.

А пронируемость меня поразила, когда мне показали такой перевод хроникерской заметки: – «Вчера в дворце президента состоялось секретное совещание по делам государственной обороны. В обстановке совершенной тайны были приняты следующие решения...», а затем шло перечисление решений [Третьяков, 1927].

Валесский в одной из своих речей заявил: «Польша и Румыния являются двумя бастионами, наиболее выдвинутыми на восток охраняющими всеобщий мир и уважение к договорам, которые составляют единственную прочную основу этого мира.»

Рисунок худ. С. Липина.

Карикатура С. Липина в «Советской Сибири» 1929 г. (Советская Сибирь, № 56, с. 1)
Caricature by S. Lipin in «Soviet Siberia» of 1929 (Soviet Siberia, no. 56, p. 1)

Плакат С. Липина в «Советской Сибири» 1929 г.
(Советская Сибирь, № 62, с. 2).

Poster by S. Lipin in «Soviet Siberia» of 1929
(Soviet Siberia, 1929, no. 62, p. 2)

Описание рабочего движения за рубежом было общим идеологическим заданием, но каждый репортер его решал по-своему. В репортажах С. М. Третьякова для «Советской Сибири» было несколько главных тем: рассказы о китайских демократических газетах, освещение китайских вопросов в английской печати, круг чтения китайских рабочих (см. очерки «Как англичане берут Китай» в 69-м номере «Советской Сибири» за 1925 г. [Третьяков, 1925a] или «Музыка картечи» в № 56 за тот же год [Третьяков, 1925в] и др.), портреты самих этих рабочих, зарисовки их трудового быта:

В самом полуторамиллионном Кантоне 400 тысяч человек живут весь свой век на лодках. Целый лодочный город приплавился к берегам, город со своими плавучими столовками, базарами, театрами. Здесь живут лодочники, грузчики, перевозчики, – все те, кто кормится около пароходов кантонского порта [Третьяков, 1925б].

Жизнь, мир, страна, город, улицы, данные через характеристики разных профессий, – типичный сюжет советского авангарда, легко перешагнувший позже в детскую литературу. (Эталоном такого сюжета в детском варианте может служить стихотворение Маяковского «Кем быть» 1928 г., где, как все помнят, перечислены профессии столяра, плотника, токаря, инженера, доктора, шофера, летчика, матроса, – «пусть меня научат».) За год до появления китайских репортажей Третьякова в «ЛЕФе» уже была напечатана его поэма «Рычи Китай» [Третьяков, 1924], где восточная страна, ее города и улицы нарисованы как серия выразительных, особенно ритмически и фонетически, портретов китайских рабочих: «Рикша», «Точильщик», «Грузовоз», «Навозник», «Водовоз», «Фруктовщик», «Цырюльник» – в таком порядке следуют главы поэмы.

Особенно продуктивен этот сюжет там, где речь идет о профессии репортера, поочередно описывающего или снимающего на пленку то, что делают изо дня в день люди разных профессий (так построен фильм Вертова «Человек с киноаппаратом», где обозревается день столицы и ее жителей, разных по образу жизни и роду деятельности, а заодно и день кинооператора; так построена детская книга Н. Г. Смирнова, О. и Г. Чичаговых «Детям о газете» [Смирнов и др., 1924], рассказывающая обо всех стадиях выпуска газеты день за днем, с утра до ночи). Максимально сблизить действие (профессию, работу) и его описание пытаются и новая журналистика. Ее перформативный рабковский девиз – записывать то, что делается и делать то, что записывается. В таких репортажах порой становится неясно, какой сюжет главный: словесный (описательный) или событийный (акциональный), потому что один превращается в другой. О правомочности такого письма размышляли теоретики литературного дела:

Китайский материал сам по себе настолько своеобразен и нов, что всякое усиление фабульности могло бы отвлечь внимание зрителя от материала, помешать ему рассмотреть Китай. Тут впервые заострилось суждение о том, что тематический материал и фабула находятся в обратном отношении друг к другу. Там, где центр тяжести переносится на фабулу (детектив, авантюрная повесть), обстановки и быта не нужно <...> С другой стороны, «обстановка», взятая с коэффициентом злобо-

ДОМ ИЗ БЕТОНА И СТЕКЛА.
Проект здания для редакции украинской крестьянской газеты в Харькове. Заграничная печать уделяет много внимания этой постройке.

Проект конструктивистской архитектуры (здание украинской крестьянской газеты в Харькове) в «Советской Сибири» 1929 г. (Советская Сибирь, № 64, с. 1).

The project of constructivist architecture (the building of the Ukrainian peasant newspaper in Kharkov) in the «Soviet Siberia» of 1929 (Soviet Siberia, 1929, no. 64, p. 1)

дневности, бытовой казус, датированное социально значимое происшествие может действовать и без фабулы – это хроника [Третьяков, 2016в, с. 265].

Проблемам сибирской рабкоровской печати посвящены основные материалы «Газетчика», все они тоже динамичны и направлены на сокращение дистанции между действием, событием, «фактом» и его описанием. Описание факта, считал Курс, не может быть наивной репортерской записью, оно должно творчески конструироваться в соответствии с определенными информационными задачами, для этого существуют специальные правила, и «Газетчик» предлагал их целую лекцию.

Тема «литература» vs «журналистика», «слово» vs «дело, ремесло» постоянно обсуждалась в «Журналисте». Искусство письма («литература», «фабула», «вымысел») как будто бы борется с «техникой» письма, т. е. «журналистикой» («ремеслом», «профессией», «фактом») в советской периодике конца 1920-х гг. Одно искусно подменяет другое, и постепенно эскизно намечается значимый для формалистов тезис о том, что тема («тематический материал») может не сходиться с сюжетом («фабула») по принципу «общее» (тема) – «частное» (сюжетика и мотивика), а противопоставляться одно другому.

В первом номере «Журналиста» за 1926 г. опубликованы показательный доклад К. Радека о проблемах печати и запись прений, следовавших за докладом. В прениях участвовали Н. Иванов-Грамен, Ю. Левидов, В. Маяковский, В. Шкловский, А. Курс. Реплика А. Курса касалась как раз техники газетного дела:

Возьмите любую газету, начиная с самой захудалой, провинциальной и кончая московскими <...>, то все-таки надо будет признать, что наши газеты плохо выполняют свою газетную функцию в целом. Они представляют из себя не живое, ежедневное, боевое отражение социальной связи, отражение общественного мнения и формирование общественного мнения, а сухую, скучную, плохо связанную регистрацию официальных тезисов, не всегда свежих сплетен, регистрацию последующего, а не современную. В таком виде газета не может воздействовать, завоевывать умы, выполнять свои политические и общественные задачи [Больные вопросы..., 1926, с. 40].

Отвечая на призыв А. Курса сделать газету искусством воздействия и самодостаточным творчеством, В. Шкловский предложил все-таки не отвергать и литературу, а объединить в газете журналистские и литературные формы: «Литература изгнана из газеты. Писатель не чувствует аудитории <...>. Журналист и писатель начинают со свободного обращения с материалом. <...> Ругайте нас, но отводите место в газете» [Там же]. Конец прениям положил К. Радек, иронично сравнив Шкловского с оперным рыцарем, тщетно преданным книжному идеалу свободы, гораздо более серьезную роль «настоящего», а не оперного «освобождения человечества», оставив за собой, т. е. за официальной властью «мнение тов. Шкловского, которого я имею удовольствие видеть на втором собрании в качестве маркиза Поза. <...> Я понимаю, я понимаю его постановку вопроса – нет прессы без свободы печати. Но, товарищи, мы свободу печати принесли в жертву на известное время освобождения человечества» [Там же, с. 43]. Характерно, что «освобождение человечества», по мнению К. Радека, говорящего от лица политики и власти, непременно требует принесения в жертву «свободы печати» как комического, «оперного», «книжного» идеала.

Редактор «Газетчика» Курс являлся и его главным автором, обычно для каждого номера он готовил сразу несколько материалов. Выпуская «пособие для журналистов», Курс экспериментирует с жанром метагазеты, т. е. газеты о газете. Его особенность – бессобытийность: «Газетчик» был газетой (или журналом)

почти без новостей, их место занимали инструкции по описанию событий и статьи по теории информации. А что такое информационная ценность – это для Курса особый вопрос:

Информационная ценность – понятие относительное, текучее, изменяющееся, диалектическое. Она определяется в зависимости от места, времени и всей совокупности социальных и бытовых обстоятельств, соответственно с интересами читателей [Курс, 1927].

Здесь и в других теоретических цитатах из его статей можно найти дежурный набор формалистской лексики с ее «бытом», «динамизмом», «развертыванием», «нарушением автоматизма восприятия» и т. д., но главное для Курса – словесное конструирование события и придание описываемому событию исключительности: «Информационная ценность есть неповторимое качество явления, выталкивающее явление из повторяющегося ряда» [Там же]. Последнее утверждение явно испытало на себе влияние английского и американского прецедентного права, прагматически переосмысленного Курсом. В «Газетчике» Курс постоянно возвращается к правовым аспектам журналистики, обосновывая вмешательство журналистов в те или иные судебные процессы. В судебных делах, как и при обзоре любого другого материала, газетчик должен найти особенности, отличающие данное происшествие от всех других, а затем встроить необычное происшествие в соответствующий ему исторический, социальный контекст (см., например, редакционную статью «Сотрудник Кузбасса Тупицын был осужден за заголовок заметки. Кузнецкий прокурор говорит, что Тупицына нельзя было привлекать к ответственности» [1927]). Тема письма балансирует между образцово-типичным в духе соцреализма и неподражаемо-уникальным в духе «прецедентного» авангарда, между доступной «газетой» и элитарной «литературой».

Большие материалы по теории газетного дела Курс соединил в цикл «Писем о любви к газете», они были напечатаны в рубрике «Технология журнализма», главной рубрике газеты. Многоярусная рубрикация и продолжающиеся дискуссии на заданную тему – характерная особенность качественной советской печати 20-х гг. Дискутирование и сложные формы рубрикации в чистом виде проявляют действие динамизации материала: тема газеты остается постоянной, а движение обеспечивается перестановкой акцентов в процессе дискуссии.

«Технология журнализма» занимала главное место в «Газетчике», ее материалы размещались на второй-третьей страницах: эта рубрика следовала за информационными сообщениями о проблемах печати в СССР и хроникой сибирской печати, которые обычно давались на первых двух страницах. Оформлялась «Технология журнализма» как листовка или газета в газете. Постоянная рубрика, вложенная как отдельный листок внутрь большого издания, – обычный стандарт газетно-журнальной композиции тех лет¹⁴: рубрики-вкладки, рубрики-листочки концентрируют в себе главные выводы всей газеты, служат квинтэссенцией, «сердцевинной» пособия, «материалом дня».

В центре страницы «Технология журнализма» обычно печатается «Письмо о любви к газете» А. Курса, посвященное теории информации или общим принципам журналистского письма, далее идут небольшие заметки по конкретным вопросам: разбивка газетного пространства, построение газетной статьи, стили-

¹⁴ Так бывало в газетах и журналах 20-х гг, к примеру, в середине знаменитого обэриутского «Ежа» скрывалась «Стенгазета», а из новосибирских изданий тех лет вкладку-листок в середине (как «газета» в журнале) имел «Динамовец», на разворотах которого печатались сложные художественные фотомонтажи на спортивные темы в стиле Густава Клуциса, а в середину каждого номера начала 1930-х гг. вкладывался листок «Записная книжка динамовца Мишки».

стика. А обрамляют всю эту страницу заметки на темы, требующие от газетчика наибольшего мастерства, – заголовок, концовка, игра со словесными штампами и клише. Последняя часть, обучающая конструировать заголовки и финалы, разбирающая стилевые и прочие «ляпы», выполняет функцию фельетона. Заголовку и заголовочному комплексу А. Курс придавал очень серьезное значение, заголовок по форме должен напоминать лозунг, и правилам создания лозунга Курс учит сибирских журналистов – точно так же, как учит этому в «Горне» и «ЛЕФе» и Третьяков (см. статьи «Обработка лозунга», «Газета на шестах» и пр.). В 6-м номере «Газетчика» за 1927 г. вся страница «Технологии журнализма» отдана теме газетного заголовка. На поле журналистики А. Курс пытается описать те же вопросы, что и С. Кржижановский в книге «Поэтика заглавий» на поле литературы¹⁵: метонимичность, высокий семантический потенциал, темпоральность заглавия, его границы, адресованность читателю и авторское присутствие в нем.

Нередко главными материалами «Технологии журнализма» были большие отрывки из западных теоретиков (в переводе самого Курса или его коллег). Так, во 2-м номере «Газетчика» за 1927 г. приводятся фрагменты из книги американского профессора Г. М. Гайда¹⁶, который, обучая журналистов, берет произвольный отрывок с описанием уличного происшествия и показывает, как при подаче материала одни фрагменты могут продвигаться вперед, другие убираться на периферию:

Приведем шесть различных введений одной и той же заметки. В каждом введении подается другая особенность. Выбор лучшей зависит от места, времени, обстановки, а также от того, первое ли это сообщение о данном событии или последующее.

ПРИМЕРЫ

Двое пожарных задохнулись в дыму и несколько человек были ранены во время пожара, охватившего вчера такую-то фабрику на такой-то улице; антикварный магазин Шмидта и соседнюю гостиницу.

Взрыв паяльной трубки вызвал вчера пожар, уничтоживший такую-то фабрику на такой-то улице, антикварную лавку Шмидта и соседнюю гостиницу. При тушении пожара погибло двое пожарных и было ранено трое наблюдателей.

Прыгнув в слуховое окно, пожарный Джозеф Ролл чуть было не погиб в безуспешной попытке спасти двух товарищей, отрезанных огнем на верхнем на этаже такой-то фабрики, на такой-то улице, во время пожара, который вчера уничтожил все здание. Антикварная лавка Шмидта и соседняя гостиница также сгорели.

¹⁵ См. [Кржижановский, 2006]. Впервые книга Кржижановского вышла в издательстве «Никитские Субботники» в 1931 г., близка к теме заголовка и статья Кржижановского «Московские вывески», где речь идет не о книжном или газетном заглавии, а, как и в упомянутых выше статьях С. Третьякова, о «тексте» улицы: см.: [Кржижановский, 2001].

¹⁶ Речь идет о Гранте Милноре Хайде (Grant Milnor Hyde), авторе множества трудов по теории журналистики (в том числе книг: «A course in journalistic writing» [Hyde, 1922]; «Newspaper editing» [Hyde, 1915]), возглавлявшем в 1930-е гг. журналистское отделение Висконсинского университета.

Пробираясь по карнизам окон с полузадохнувшейся девушкой на спине, Джек Суиней вызвал восхищение двухтысячной толпы, смотревшей, как он спасал от смерти Гильду Шульд, кухарку, и себя во время пожара, уничтожившего вчера гостиницу на такой-то улице. Пожар начался в здании такой-то фабрики и охватил гостиницу и соседнюю антикварную лавку Шмидта.

Недостаток электрических лампочек угрожает городу.

Так как весь запас электрических лампочек такой-то фабрики был вчера уничтожен пожаром, представители фабрики опасаются, что новый запас нельзя будет получить с Востока раньше, чем через десять дней.

Огнем уничтожены также антикварная лавка Шмидта и соседняя гостиница. Во время пожара погибли двое пожарных.

В чем бы не состояла информационная особенность заметки, пишущий предельно использует, излагая ее в первой строке, которая должна приковать внимание читателя. Зачастую он дает особенность в привлекательной форме, а потом отвечает на предполагаемые вопросы читателя – получается введение. Испытайте информационную особенность, рассматривая первые шесть слов заметки, как витрину магазина, и спросите себя, привлечет ли ее содержание читателя.

Другой способ проверки – это внимательно рассмотреть всю заметку, чтобы найти в ней другой факт, обстоятельство или деталь, которые еще сильнее могут заинтересовать читателя, чем первые шесть слов введения. Если это так, то перестройте введение и поместите наиболее интересную деталь вначале [Гайд, 1927].

Матрица этой статьи – та же, что и в песенке о прекрасной маркизе, исполнявшейся Л. Утесовым, в основе сюжета «Прекрасной маркизы» (вариация джазовой композиции Вентуры и комического номера Шарля Паскье и Анри Аллюма) такое же продвижение темы с периферии в центр. Методика этой обучающей статьи хороша тем, что Курс не просто утверждает, что в зависимости от места той или иной информации в газете, заметке, абзаце меняется ее идеологическая направленность, но тут же демонстрирует, как этим знанием пользоваться. Не случайно его первое «письмо о любви к газете» озаглавлено «Письмо второе», при этом заглавие тут же и комментируется:

Когда заказываешь человеку серию статей, скажи ему: начните сразу со второй, первой не надо. Предисловие к роману читают после самого романа, вводную статью – никогда. Читатель не любит задерживаться в передней, и я начинаю со второго письма. Первое оставляю зреть в моей голове. Ты его получишь когда-нибудь попозже и, вкусив созревший плод, найдешь в нем зерна моих отправных точек, если я предварительно успею сам их найти [Курс, 1927].

Такое начало, с декларацией инверсии как принципа организации материала, с заменой одной его части на другую, демонстрирующей приоритет монтажа, который создает словесную интригу, осуществляющуюся «сама в себе», без событийного наполнения, должно было заинтересовать адресную аудиторию, т. е. профессионалов, работающих в газете.

Циклизация газетного материала у Курса, как мы уже говорили, многоуровневая, это проявляется по-разному. Темы статей, которые Курс в это время печатает и в московском «Журналисте», и в новосибирском «Газетчике», в сущности, одни и те же, тексты статей можно цитировать вперемешку – швы будут незаметны – за ними стоит единый массив теоретических проблем¹⁷. Однако для столичного

¹⁷ Так, в «Журналисте» за 1928 г. статья А. Курса «Информация. Работа над материалом» в рубрике «Курсы заочного обучения» выдержана в духе новосибирского «Газетчика», она начинается с того, что Курс приводит в пример советским журналистам

журнала Курс пишет сугубо теоретические работы с соответствующими заголовками, а для «Газетчика» выбирает более свободный жанр – «писем о любви» (к газете). Сам выбор такой формы – конечно, журналистский прием, шутка. Но одновременно – пропаганда традиционного публицистического жанра: с начала 20-х гг. он активно использовался в советской печати, стремившейся стать всенародной, т. е. превратить в авторов «всех» читателей, как и участников описываемых событий. Газеты (и курсовские издания в том числе) призывают читателей писать в редакцию письма, которые и публикуются, постоянно даются в периодике в виде «писем» репортажи выездных корреспондентов: чаще всего как «письма» «из глубинки». Курсовские «письма о любви» – это тоже в некотором смысле письма из глубинки, но не издалека, а из центра создания газеты. Корреспонденцию, предназначенную для печати в Москве, Курс мог бы по традиции называть «письмами» из Новосибирска, но в Москву он посылает обычные по форме статьи, а в Новосибирске печатает «письма», и в этом тоже обнаруживают себя смыслы перформативности, сокращения дистанции между пишущим и читающим, парадоксально доходящей почти до автокоммуникации. Упомянем кстати, что в одном из номеров «Газетчика» опубликовано коротенькое письмо Вс. Иванова Г. Вяткину:

Я совершенно замотался; написал пьесу «Бронепоезд», которая пойдет в Художественном в 10-летие Октября. Писание пьесы и переделки, требуемые режиссерами, измотали. <...> Совершенно не имею возможности выехать из Москвы, отдохнуть. Может быть, к августу соберусь на родину, в Лебяжье, – мать хочется повидать, – заеду в Новосибирск. Кланяйтесь низко Оленину, Урманову и всем сибирским моим друзьям [Письмо Всеволода Иванова, 1927].

Кроме того, что Вс. Иванов рассказывает о недавно законченной пьесе, важно, что он обращается к сибирским писателям, посвящая их в свои московские дела, сближая тем самым Сибирь со столицей.

В «Настоящем» Курс приоткрывает технику создания журнала. «Газетчик», как и московский «Журналист», целиком посвящены производству периодического издания: от сбора материала и репортажа до доставки свежего выпуска читателю. Процесс создания газеты показан начиная от истоков, и не случайно одной из постоянных рубрик является хроника творческой жизни сибирских художников и писателей, рассказывающая об их замыслах, о тематике и технике еще несуществующих работ, о поездках художников и писателей по Сибири и России:

А. Заковряшин (Минусинск) уехал в горно-степную Хакасию. Работает над эскизами для масла из эпохи партизанщины в Хакасском крае, графикой – из быта хакасов.

<...>

В. Гуляев (Ташкент) пишет две картины на современные темы для второй все-сибирской выставки.

<...>

Ю. Попова-Ветрова (Новосибирск) работает по зарисовкам живой природы (тело) в своей мастерской. К осени предполагает ехать в Москву во ВХУТЕМАС.

<...>

П. Ивакин (Новосибирск) недавно вернулся из поездки по Алтаю с коллективом Сибгосоперы. Остался здесь работать [Газетчик, 1927, с. 7]¹⁸.

высококачественную английскую периодику и раскрывает технику и смысл ряда журналистских приемов, освоенных европейской печатью: направленность на адресата, грамотная цитация разного рода источников, ссылки на авторитетные имена, искусство заголовка и пр. См.: [Курс, 1928].

¹⁸ Такие же «хроники» есть и в других номерах «Газетчика».

Реклама пособия «Газетчик» (автор не указан) (Газетчик, 1927, № 6, с. 5)
The Advertising of the «Gazetchik» allowance (author not indicated)
(Gazetchik, 1927, no. 6, p. 5)

Алтай, Хакасия, Ташкент, упомянутые в хронике, расширяют тему «провинции», «Газетчик» (как позже и «Настоящее») охватывает даже народы Сибири и востока, эффектно включая в тематический и иллюстративный ряд сибирскую этнику (см., например, рекламу «Газетчика» с ее «восточными» мотивами).

Позже одновременно с журналом «Настоящее» будет создана литературная группа «Настоящее», художников «Настоящего» тоже можно назвать в некотором роде объединением, члены которого имели общие стилистические установки и конструктивистский подход к графике. Как видно по авторскому составу «Газетчика», уже тогда Курс начал подбор авторов для «Настоящего», за два года существования журнала состав авторов менялся, внутри редакции происходили конфликты, но на страницах «Настоящего» редколлегия выступает как сплоченная группа журналистов, писателей и художников, объединенных общими целями. Такое же ощущение остается и от чтения «Газетчика».

Множество других интересных тем и деталей можно было бы добавить к обзору «Газетчика», но главные характеристики этого малоизвестного издания, на наш взгляд, перечислены. Во-первых, при издании пособия «Газетчик» Курс воспользовался собственным опытом издания «Журналиста», поэтому на страницах сибирского издания отразились темы, актуальные в левовской и гижевской среде. Во-вторых, «Газетчик» напомнил сибирскому читателю о китайских репортажах Третьякова, печатавшихся до этого в «Советской Сибири», и знакомил сибиряков с другими левовцами (например, В. Шкловским) и самим журналом ЛЕФ, а также с зарубежной теорией информации. В «Газетчике» она подавалась в доступной и лаконичной форме, а само это периодическое пособие давало замечательные образцы целенаправленной компоновки материала, представляя широкий набор журналистских приемов и жанров, которые демонстрировали, прежде всего, циклы статей самого А. Курса.

Что же касается истории других изданий Курса и собственной его биографии, то следует упомянуть, что в 1929 г. (когда пособие «Газетчик» уже не выходило) А. Л. Курс был отстранен от своих редакторских обязанностей, ему пришлось оставить и пост главного редактора «Советской Сибири», и журнал «Настоящее». Он вернулся в Москву и в ноябре 1930 г., был исключен из партии по обвинению в поддержке «право-левацкого блока» С. И. Сырцова, – затем, правда, восстановлен, но угроза политических преследователей нависла и над ним, и над многими другими его соратниками по ГИЖу и «Журналисту». В 1937 г. был арестован и в 1938 г. расстрелян второй редактор «Журналиста» С. Б. Ингулов; тогда же покончил с собой, узнав, что ему угрожает арест, бывший глава РОСТА Я. Г. Дольцкий; в том же 1938-м погиб в лагере М. И. Щелкунов, преподаватель истории и техники книгопечатания в ГИЖе, основатель Музея книги при Библиотеке им. Ленина; тогда же за участие в «троцкистско-зиновьевской террористической организации» расстрелян еще один историк, преподававший в ГИЖе, С. А. Пионтковский; в 1938-м арестован, а в 1941-м умер в саратовской тюрьме редактор «Известий» Ю. М. Стеклов. Все эти люди входили в ближайший профессиональный круг А. Л. Курса.

Закончим цитатой из воспоминаний Х. Херсонского, которые приведены в статье биографа Курса, А. Бернштейна: «А. Л. Курс не выносил бюрократизма, коленопреклонения перед начальством, призывов не думать, а выполнять указания вождей. В начале 30-х годов Курса стали часто посещать печальные раздумья о прошлом, о судьбе товарищей, и порой он все же жалел, что отдал предпочтение журналистике...» [Бернштейн, 2001, с. 278]. Парадокс, однако, заключался в том, что из Новосибирска А. Л. Курс вернулся в ту Москву, которую он и его коллеги так вдохновенно строили, а предъявленные им политические обвинения вполне соответствовали правилам «конструирования факта», которым учили курсовские издания.

Список литературы

- Бар О.* За стеклянной стеной // Газетчик. 1927. № 3. С. 7.
Бернштейн А. Время и дела Александра Курса // Киноведческие записки. 2001. № 53. С. 260–289.
Больные вопросы советской печати. Доклад тов. Радека, прочитанный в Доме Печати и прения // Журналист. 1926. № 1. С. 33–43.
Газетчик // Журналист. 1928. № 9. С. 21–22.
Газетчик. 1927. № 4.
Гайд М. Первая строка информационной заметки // Газетчик. 1927. № 2. С. 3.
ГИЖ // Журналист. 1925а. № 4. С. 42.

- ГИЖ // Журналист. 1925б. № 6. С. 35.
- Горяева Т. Радио России. Политический контроль советского радиовещания в 1920–1930-х годах. Документированная история. М.: РОССПЭН, 2009. 159 с.
- Жирков Г. П. Судьба теории газетоведения в условиях административно-командной системы // Жирков Г. П. Журналистика сталинской эпохи: 1928–1950-е годы. М.: Флинта: Наука, 2017. С. 150–219.
- Кржижановский С. Московские вывески // Кржижановский С. Чужая тема. Собр. соч. СПб.: Симпозиум, 2001. Т. 1. С. 564–585.
- Кржижановский С. Поэтика заглавий // Кржижановский С. Размышления о литературе и театре. Собр. соч. СПб.: Симпозиум, 2006. Т. 4. С. 7–43.
- Крусанов А. В. Русский авангард. 1907–1932. М., 2003. Т. 2, кн. 1.
- Круссер Г. Растеряева улица, она же страна Ризля // Газетчик. 1927. № 5. С. 7.
- Курс А. Л. О любви к газете. Письмо второе: о вещах, из ряда вон выходящих // Газетчик. 1927. № 2. С. 3.
- Курс А. Л. Информация. Работа над материалом // Журналист. 1928. № 7–8. С. 49–51.
- М.Д. Не понять, как ни пяльте глаза, ни полслова // Газетчик. 1927. № 4. С. 6.
- Маяковский В. Выступление на Втором пленуме правления РАПП 23 сентября 1929 г. (Утреннее заседание). Публ. А. В. Февральского // Новое о Маяковском. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 87–96. (Лит. наследство; Т. 65).
- Новицкий П. К. Газетоведение как предмет преподавания. М.: Изд. отдел ГИЖа, 1924. 40 с.
- Н-ский В. Обнажение приема // Журналист. 1925. № 1. С. 44–45.
- Первый гвоздь. 1929. 1 мая. 6 с.
- Письмо Всеволода Иванова // Газетчик. 1927. № 4. С. 2.
- Проблемы газетоведения. Сборник первый / Под ред. Д. Бенцмана, Ю. Бочарова, М. Гуса. М.: Изд. ГИЖ, 1930. 154 с.
- Рост. 1929. 1 дек. 4 с.
- Слоним М. Современная сибирская литература // Вольная Сибирь (Volná Sibiř). 1929. № 5. С. 24–47.
- Сотрудник Кузбасса Тупицын был осужден за заголовок заметки. Кузнецкий прокурор говорит, что Тупицына нельзя было привлекать к ответственности // Газетчик. 1927. № 1. С. 1.
- Смирнов Н. Г., Чичагова О., Чичагова Г. Детям о газете. М.; Л., 1924. 20 с.
- Третьяков С. Рычи Китай // ЛЕФ. М.; Л.: Гос. изд-во, 1924. № 1 (5). С. 23–33.
- Третьяков С. Как англичане берут Китай // Советская Сибирь. 1925а. № 69. С. 2.
- Третьяков С. Крестьянское движение в Гуандуне // Советская Сибирь. 1925б. № 26. С. 4.
- Третьяков С. Музыка картечи // Советская Сибирь. 1925в. № 56. С. 2–3.
- Третьяков С. Китайская газета в наши дни // Газетчик. 1927. № 4. С. 3.
- Третьяков С. Настоящее «Настоящее» // Новый ЛЕФ. 1928. № 5. С. 43–44.
- Третьяков С. Газета на шестах // Формальный метод. Антология русского модернизма. Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый, 2016а. Т. 2: Материалы. С. 252–254.
- Третьяков С. Новый Лев Толстой // Формальный метод. Антология русского модернизма. Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый, 2016б. Т. 2: Материалы. С. 234–237.
- Третьяков С. Производственный сценарий // Формальный метод. Антология русского модернизма. Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый, 2016в. Т. 2: Материалы. С. 263–267.

Фатеева И. А. Первая научно-образовательная школа журналистики в России: ГИЖ // Век информации. 2017. № 3. С. 64–72.

Шкловский В. Несколько советов писателю // Газетчик. 1927. № 3. С. 3.

Hyde G. M. A course in journalistic writing. New York; London, 1922. 454 p.

Hyde G. M. Newspaper editing. New York; London, 1915. 380 p.

E. N. Kapinos

*Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation*

KURS'S «GAZETCHIK»

The article is devoted to the Novosibirsk periodical «Gazetchik», published by A. Kurs in 1927–1928. The publication absorbed the experience of the Moscow «Journalist», which A. Kurs edited before leaving for Novosibirsk. In the first years of its existence, the Moscow «Journalist» was focused on creating a theory of newspaper business, which was becoming a separate specialization, the importance of the journalist profession was growing, the theory of newspaper business was formed by teachers of the State Institute of Journalism, many of whom collaborated with A. Kurs and were published in «Journalist». In addition, in «Journalist», along with materials on journalism, small fragments (sometimes just quotes) from the LEFs and formalists' works were published. All these traditions passed to the Novosibirsk «Gazetchik», whose materials told about the technology of newspaper business. The unity of the topic is united by the multi-genre articles of «Gazetchik»: this is also an analytical review of government programs relating to the press, this is a statement of successes and failures of the Siberian press, all sorts of tips on writing articles on various themes, stylistic tasks and their solutions, examples of successful and unsuccessful journalistic works, portraits of Siberian journalists (sometimes anonymous), information about the theory and practice of newspaper business in the West (England, USA) and East (China). Small fragments from S. Tretyakov's works (one of them about the Chinese press) appear regularly in «Gazetchik», there is a «cutting» from various articles by V. Shklovsky. The author of the article links the Chinese topic in «Gazetchik» with publications of Tretyakov's reports from China in «Soviet Siberia» (1925). The manual «Gazetchik» combines the properties of a newspaper and a magazine, it is printed in the format of a newspaper, but as a magazine, «Journalist» is very diverse in its headings. Among the permanent sections of «Gazetchik» are «Technology of Journalism» and «Letters about the love to newspaper». «Letters about the love to newspaper» is the author's heading of A. Kurs, where he shares with his colleagues his newspaper experience, stylistic observations and conclusions about the western theory of journalism, including information theory, law issues and many others. According to the subject and form, the manual «Gazetchik» corresponds to the avant-garde stylistics, is preceded by the Novosibirsk avant-garde magazine «Present» and is a bright page of A. Kurs's activities in Novosibirsk. The publication can be put in one row not only with «Present», but also with the «Soviet Siberia», which is edited by Kurs in the same period.

Keywords: A. Kurs, avant-garde, V. Shklovsky, S. Tretyakov, State Institute of Journalism, theory of newspaper business, Siberian avant-garde periodicals, magazine «Present», Novosibirsk handbook for journalists «Gazetchik»

References

Bar O. Za steklyannoy stenoy [Behind the glass wall]. *Gazetchik*, 1927, no. 3, p. 7. (in Russ.)
Bernshteyn A. Vremya i dela Aleksandra Kursa [Time and Affairs of Alexander Course]. *Kinovedcheskie zapiski*, 2001, no. 53, p. 260–289. (in Russ.)

Bol'nye voprosy sovetskoy pechati. Doklad tov. Radeka, pročitanny v Dome Pechati i preniya [Sick questions of the Soviet press. Report Comrade. Radek, read in the House of Printing and Debating]. *Zhurnalist*, 1926, no. 1, p. 33–43. (in Russ.)

- Fateeva I. A. Pervaya nauchno-obrazovatel'naya shkola zhurnalistiki v Rossii: GIZh [The first scientific and educational school of journalism in Russia: GIZH]. *Vek informatsii*, 2017, no. 3, p. 64–72. (in Russ.)
- Gayd M. Pervaya stroka informatsionnoy zametki [First line of info note]. *Gazetchik*, 1927, no. 2, p. 3. (in Russ.)
- Gazetchik* [Newsman], 1927, no. 4, 8 p. (in Russ.)
- Gazetchik* [Newsman]. *Zhurnalist*, 1928, no. 9, p. 21–22. (in Russ.)
- GIZh. *Zhurnalist* [Journalist], 1925, no. 6, p. 35. (b) (in Russ.)
- GIZh. *Zhurnalist* [Journalist]. 1925, no. 4, p. 42. (a) (in Russ.)
- Goryaeva T. Radio Rossii. Politicheskiy kontrol' sovetского radioveshchaniya v 1920–1930-kh godakh. Dokumentirovannaya istoriya [Radio Russia. Political control of the Soviet broadcasting in the 1920-1930s. Documented history]. Moscow, ROSSPEN, 2009, 159 p. (in Russ.)
- Hyde G. M. A course in journalistic writing. New York, London, 1922, 454 p.
- Hyde G. M. Newspaper editing. New York, London, 1915, 380 p.
- Krusanov A. V. Russkiy avangard. 1907–1932 [Russian avant-garde. 1907–1932]. Moscow, 2003, vol. 2, book 1. (in Russ.)
- Krusser G. Rasteryaeva ulitsa, ona zhe strana Rielya [Rasteryaeva street, she is the country of Riel]. *Gazetchik*, 1927, no. 5, p. 7. (in Russ.)
- Krzhizhanovskiy S. Moskovskie vyveski [Moscow signs]. In: Krzhizhanovskiy S. Chuzhaya tema. Sobr. soch. [Another topic. Collected cit.]. St. Petersburg, Simpozium, 2001, vol. 1, p. 564–585. (in Russ.)
- Krzhizhanovskiy S. Poetika zaglaviy [Poetics of titles]. In: Krzhizhanovskiy S. Razmyshleniya o literature i teatre. Sobr. soch. [Reflections on literature and theater. Collected cit.]. St. Petersburg, Simpozium, 2006, vol. 4, p. 7–43. (in Russ.)
- Kurs A. L. Informatsiya. Rabota nad materialom [Information. Work on the material]. *Zhurnalist*, 1928, no. 7–8, p. 49–51. (in Russ.)
- Kurs A. L. O lyubvi k gazete. Pis'mo vtoroe: o veshchakh, iz ryada von vykhodyashchikh [About the love of the newspaper. The second letter: about things out of the ordinary]. *Gazetchik*, 1927, no. 2, p. 3. (in Russ.)
- M. D. Ne ponyat', kak ni pyal'te glaza, ni polslova [Do not understand, no matter how the eyes, not half a word]. *Gazetchik*, 1927, no. 4, p. 6. (in Russ.)
- Mayakovskiy V. Vystuplenie na Vtorom plenumе pravleniya RAPP 23 sentyabrya 1929 g.: (Utrennee zasedanie). Publikatsiya A. V. Fevral'skogo [Speech at the Second Plenum of the RAPP Administration on September 23, 1929: (Morning Session). Publication A. V. Fevral'skiy]. *Novoe o Mayakovskom*. Moscow, AS USSR Publ., 1958, p. 87–96. (Literaturnoe Nasledstvo. Vol. 65). (in Russ.)
- Novitskiy P. K. Gazetovedenie, kak predmet prepodavaniya [Newspaper science, as a subject of teaching]. Moscow, Izdatel'skiy otdel GIZha, 1924, 40 p. (in Russ.)
- N-skiy V. Obnazhenie priema [Opening reception]. *Zhurnalist*, 1925, no. 1, p. 44–45. (in Russ.)
- Pervyy gvozhd', 1929, 1 May, 6 p. (in Russ.)
- Pis'mo Vsevoloda Ivanova [Letter of Vsevolod Ivanov]. *Gazetchik*, 1927, no. 4, p. 2. (in Russ.)
- Problemy gazetovedeniya [Problems of newspaper science]. Sbornik pervyy. Moscow, Izdaniya GIZh, 1930, 154 p. (in Russ.)
- Rost, 1929, 1 December, 4 p. (in Russ.)
- Shklovskiy V. Neskol'ko sovetov pisatelyu [A few tips for the writer]. *Gazetchik*, 1927, no. 3, p. 3. (in Russ.)
- Slonim M. Sovremennaya sibirskaya literatura [Modern Siberian literature]. *Vol'naya Sibir' (Volná Sibir')*. Praga, 1929, no. 5, p. 24–47. (in Russ.)
- Smirnov N. G., Chichagova O., Chichagova G. Detyam o gazete [Children about the newspaper]. Moscow, Leningrad, 1924, 20 p. (in Russ.)
- Sotrudnik Kuzbassa Tupitsyn byl osuzhden za zagolovok zametki. Kuznetskiy prokuror govorit, chto Tupitsyna nel'zya bylo privlekat' k otvetstvennosti [Kuzbass employee Tupitsyn was convicted of the title of the note. Kuznetsky prosecutor says Tupitsyn could not be held accountable]. *Gazetchik*, 1927, no. 1, p. 1. (in Russ.)

Tretiyakov S. Gazeta na shestakh [The newspaper on the poles]. *Formal'nyy metod. Antologiya russkogo modernizma* [Formal method. Anthology of Russian modernism]. Ekaterinburg, Moscow, Kabinetnyy uchenyy, 2016, vol. 2: Materials, p. 252–254. (in Russ.)

Tretiyakov S. Kak anglichane berut Kitay [How the British get the better of China]. *Sovetskaya Sibir'*, 1925, no. 69, p. 2. (in Russ.)

Tretiyakov S. Kitayskaya gazeta v nashi dni [Chinese newspaper today]. *Gazetchik*, 1927, no. 4, p. 3. (in Russ.)

Tretiyakov S. Krest'yanskoe dvizhenie v Guandune [Peasant movement in Guangdong]. *Sovetskaya Sibir'*, 1925, no. 26, p. 4. (in Russ.)

Tretiyakov S. Muzyka kartechi [Grape music]. *Sovetskaya Sibir'*, 1925, no. 56, p. 2–3. (in Russ.)

Tretiyakov S. Nastoyashchee «Nastoyashchee» [Present “Present”]. *Novyy LEF*, 1928, no. 5, p. 43–44. (in Russ.)

Tretiyakov S. Novyy Lev Tolstoy [New Leo Tolstoy]. *Formal'nyy metod. Antologiya russkogo modernizma* [Formal method. Anthology of Russian modernism]. Ekaterinburg, Moscow, Kabinetnyy uchenyy, 2016, vol. 2: Materials, p. 234–237. (in Russ.)

Tretiyakov S. Proizvodstvennyy stsenariy [Production script]. *Formal'nyy metod. Antologiya russkogo modernizma* [Formal method. Anthology of Russian modernism]. Ekaterinburg, Moscow, Kabinetnyy uchenyy, 2016, vol. 2: Materials, p. 263–267. (in Russ.)

Tretiyakov S. Rychi Kitay [Roar China]. *LEF*. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1924, no. 1 (5), p. 23–33. (in Russ.)

Zhirkov G. P. Sud'ba teorii gazetovedeniya v usloviyakh administrativno-komandnoy sistemy [The fate of the theory of newspaper science in the administrative command system]. In: Zhirkov G. P. *Zhurnalistika stalinskoy epokhi: 1928–1950-e gody* [Journalism of the Stalin era: 1928–1950s.]. Moscow, Flinta: Nauka, 2017, p. 150–219. (in Russ.)

Elena N. Kapinos – Doctor of Philology, Leading Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, dzerv@mail.ru)